

Телохрани́тель Евге́ния Охотникова

Марина Серова

Тигру в пасть

«Научная книга»

Серова М. С.

Тигру в пасть / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телхранитель Евгения Охотникова)

Не одно убийство, торговля оружием, наркотиками, похищение людей и многое другое висит на некоем Дергунове по кличке Дера. А доказательств его преступной деятельности никаких, ни к чему не придерешься, как ни старайся. Осторожный Дера просчитывал все на несколько ходов вперед, поэтому ФСБ пошла на внедрение в его организацию своего агента – майора Александра Фролова. Доподлинно известно, что у Дергунова имеются видеоматериалы, с помощью которых его можно прижать. Александру во что бы то ни стало нужно достать эти кассеты. А прикрытие ему должен обеспечивать высококлассный специалист. Выбор пал на телхранителя Евгению Охотникову...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Тигру в пасть

Пролог

Человека рывком усадили на стул, словно ненужную игрушку бросили в кучу хлама, приготовленного на выброс. Стальные объятия наручников сковали его кисти за спиной, рот был заклеен широкой лентой. Гориллы, их было четверо, окружили свою жертву со всех сторон. Солидные на первый взгляд люди, лица добропорядочных граждан.

В комнату зашел босс – человек лет пятидесяти, слегка обрюзгший, с колючим взглядом. Он уселся на другой стул, который приготовили специально для него. Человек оказался прямо напротив жертвы.

– Здравствуй, Миша, – ласково-шипящим голосом произнес он. Босс, по всей видимости, хотел выглядеть любезным, но его выдавал все тот же колючий взгляд неулыбчивого человека. – Мы с тобой не виделись со вчерашнего дня, и, признаюсь, я рад нашей встрече, хотя и огорчен внезапно появившимися обстоятельствами, которые касаются твоей личности.

Связанный не отвечал, да и не мог ответить. Пленник старался не смотреть на босса, ему был ненавистен этот взгляд, взгляд удава, которого держат в клетке и морят голодом.

– Пора кончать его, шеф, – произнес один из охранников, высокий мужчина с торчащим ежиком волос и седыми висками.

Он демонстративно щелкнул предохранителем своего пистолета, давя на психику связанного человека. Михаил не пошевелился, видимо, он уже смирился с тем, что эти минуты могут быть для него последними в жизни.

– погоди, Игорь... – покачал головой босс. – Зачем же так сразу расставаться с хорошим человеком? Может быть, ему перед смертью хочется поговорить со мной, излить свою душу, исповедаться, в конце концов.

– Наш шеф – как святой отец, – пошутил Игорь. – Все грехи отпустит, оптом и в розницу, оплата и получение в одном месте.

– Не кошунствуй, сын мой, – ответил босс, – лучше дай возможность человеку поговорить со мной. Сказать то, что он думает.

Лента была сорвана с губ плененного Михаила резким движением. Он скривился от боли, но не издал ни единого звука. Облизав губы, он обвел присутствующих взглядом и остановил его на боссе.

– Говорить будешь? – ткнул его пистолетом в висок Игорь. Он сделал это не сильно, просто для того, чтобы напомнить о себе.

– А что ему говорить? – произнес босс. – Мы знаем больше него о том, что происходит вокруг. В общем, Миша, мы уже в курсе, кто ты есть. Кстати, мы очень не любим вас, пора бы об этом знать. Да и не умно вы поступили, мы же белогорских ментов и вас знаем всех, как облупленных, зачем же ты к нам в организацию полез? Понимаю, начальство приказало, сделать ты ничего не мог, поэтому приступил к выполнению операции под названием «Кур в оцип». Дураки вы, дураки. Поэтому-то вы с нами ничего сделать не можете, что мозгов не хватает. Для этого нужны другие люди и другие деньги, пора вам понять это.

– И законы тоже, – хмыкнул Игорь.

– Верно, – согласился босс. – Законы издаем мы, а исполнять приходится вам, дуракам. И не будет иначе, потому что мы будем у власти всегда, Миша. Ты запомнил? Всегда! Вам, нищим, не пролезть во власть никогда – это наше, для избранных. Так что скажешь, сынок?

Михаил не отвечал. Он смотрел прямо перед собой и мысленно готовился к смерти, зная, чем заканчиваются подобные разговоры.

– Козел поганый, – сплонул человек с веснушчатым лицом, стоявший за стулом, на котором сидел Михаил.

– Вот именно, – согласился босс. – Только ты, Вова, не плюй в помещении, для этого улица есть. Да и на улице не плюй, не показывай нехороший пример детям, не нужно этого делать. Еще вот что, Миша, у нас для тебя подарок. Очень интересный подарок, но, наверное, он тебя не обрадует...

Он сделал знак рукой. Двое парней вышли из комнаты, несколько минут их не было видно и слышно, а затем они появились, затаскивая внутрь тело молодого мужчины и бросая его на пол.

– Кто это? – послышался хриплый голос Михаила.

– Не узнаешь? Это твой напарник, Миша, еще тот лох. Мы тебя уважаем за то, что ты просто так не сдался, а сопротивлялся что было сил. За это мы тебе устроим легкую смерть. А вот напарничек твой оказался слабаком. Зачем же вы таких берете к себе на службу? Прикрывать тыл должен человек опытный, умелый. А этого сопляка мы убили сразу, и убивать его было очень неприятно, будто на дерьмо наступаешь. С тобой же другое дело – ты молодец, мы уважаем сильных противников. Конечно, тебе не удалось сделать то, за чем ты пришел сюда, но не огорчайся, просто я предусмотрительней тебя, мое положение, как говорится, обязывает.

– Уберите тело, – попросил Михаил. – Не могу смотреть.

– Какая тебе теперь разница? – спросил босс. – Скоро ты ляжешь рядом, превратишься в такого же жмурика. Тихого и безмолвного.

– Уберите, прошу... Все, что угодно, только не это. Убивайте сразу, не томите...

Бандит пожал плечами.

– Как скажешь. В конце концов, это последняя просьба приговоренного. Вот только сигарету и водки мы тебе не дадим, обойдешься. И священника не пригласим – это у нас не принято. Унесите труп, ребятки.

Парни подхватили тело и вынесли его из комнаты. Даже не вынесли, а выволокли, словно мешок с мукой.

– Спасибо, – произнес Михаил. – Что-то человеческое в вас еще осталось, спасибо...

– Не за что, – произнес босс, слегка покачивая головой. – Так ты готов встретиться со Всевышним?

– Готов...

– Вот и хорошо.

Он сделал едва заметный знак, к Михаилу сзади подошел веснушчатый бандит и накинул ему на горло белесую проволоку...

* * *

В кабинет подполковника постучали.

– Разрешите, Сергей Владимирович?

Тот, к кому обращались, сидел за старомодным письменным столом. Это был высокий человек с гладко зачесанными назад волосами и ямочкой на подбородке. Сергей Владимирович носил черный шерстяной костюм, белоснежную рубашку и темно-синий, в черную полоску, галстук.

– Заходи. Есть новости?

Вошедший был в форме майора, в противоположность своему начальнику он был коренаст, с заметным брюшком. Лицо неприметное, как у агентов КГБ в лучшие контрразведывательные времена.

– Очень плохие... Прямо скажу, хуже некуда, Сергей Владимирович, – горестно произнес майор.

– Конкретней нельзя, Николай Иванович? У нас когда-нибудь были хорошие новости, кроме тех, что сообщают о получении денежного довольствия?

– Только что получили информацию... Нашли два тела и опознали Мишу Лебедева и Костю Зеленкина.

Подполковник поднялся из-за стола.

– Где они сейчас?

– В судмедэкспертизе.

– А нашли их где?

– В посадках за городом.

Сергей Владимирович покачал головой.

– Вот дьявол... Немедленно собери всех, кто занимался делом Дергунова. Немедленно, слышишь? Срочное совещание отдела.

– Есть.

Майор повернулся на каблуках и вышел из комнаты.

Сергей Владимирович схватил со стола пачку «Примы», вытащил из нее сигарету и стал разминать ее большим и указательным пальцами, задумавшись. Над создавшимся положением стоило поразмыслить, слишком часто стали погибать сотрудники ФСБ, будто участвовали в активных военных действиях.

– Черт... – пробормотал он, обнаружив, что половина табака из сигареты высыпалась на стол. Пришлось бросить испорченную и взять другую сигарету.

В кабинет входили офицеры. Они старались не поднимать глаз, будто сделали что-то постыдное и теперь ждали осуждения со стороны.

– Разрешите, товарищ подполковник?.. – звучало еле слышно, будто шелест бумаги.

– Заходите и садитесь, не задерживайте, – буркнул Сергей Владимирович. Ох, и пакостно было сейчас у него на душе.

У подполковника собрались пятеро офицеров. Двое из них носили майорские погоны, двое были в чине капитана и один – старший лейтенант.

– Вот такие дела, ребята... – произнес подполковник. – Миша Лебедев и Костя Зеленкин... Слышали?..

– Мы в курсе, Сергей Владимирович. Беда большая...

– Родным сообщили?

– Родителям Зеленкина уже сказали. Про Мишу Лебедева сообщить не смогли: Ирина, его жена, в роддоме, прямо не знаем, как быть.

– М-да...

Все, кто находился в кабинете, прятали друг от друга глаза.

– Операция сорвалась. И уже не в первый раз, скажу я вам. Толку от нашей работы, товарищи, никакой. Даже не знаю, как оправдываться перед вышестоящим начальством. Боюсь, что это мои последние дни в ФСБ, выгонят с позором, да еще и без пенсии. Весь отдел разгонят, как пить дать.

– Это же дело рук Дергунова! – воскликнул капитан, худощавый человек с густыми черными бровями, сросшимися у переносицы. – Мы об этом знаем, можно же предпринять что-нибудь?!

– И что дальше, товарищ Кулдашин? – вызывающе спросил майор, которого подполковник назвал Николаем Ивановичем. – Знать-то мы об этом знаем, а доказать мы этого все равно не сможем, как всегда! Этот гад что хочет, то и делает, а мы ничего не можем предпринять. У него всегда непробиваемое алиби, никогда нет никаких доказательств его причастности

к совершенному преступлению. Если надо, он подставит кого-нибудь, чтобы отвести от себя любое подозрение. Это очень серьезный противник, которого мы никак не сможем свалить.

– Вот именно! – произнес старший лейтенант, молодой человек двадцати шести лет, с тонкими усиками на верхней губе. – Самое обидное, что мы не можем подобраться к Дергуну! Ни справа, ни слева, ни спереди, ни сзади! И главное – он обо всем всегда знает и всегда готов к контрудару!

– Одно из двух, – произнес подполковник. – Или он чертовски умен, или ему докладывают обо всех наших планах.

– Кто же это может быть? – проговорил Николай Иванович. – Один из нас?

– Необязательно, – произнес круглолицый майор, по фамилии Богачев. – Информация могла просочиться через отдел кадров, секретный отдел – и вообще как угодно. Мы расслабились, товарищи, в прежние времена эдакого в нашей конторе люди себе не позволяли.

– Вот я и собрал вас здесь, мои боевые друзья, чтобы решить вопрос: как быть дальше, – сказал Сергей Владимирович.

– Один способ остался! – подал голос широкоплечий капитан с мощной шеей, на которой высилась крупная голова с курчавыми темными волосами.

– Какой, Юра?

– Физическое устранение. А потом надо найти этого гада, который продает наших товарищей, и тоже пристрелить его, как собаку. – Капитан не выдержал и как следует выругался. Хоть таким образом немного душу отвел.

По кабинету прошел гул. Каждый пытался что-то сказать, но не конкретно, а так – чтобы выразить свое отношение к услышанному.

– Ты, Юра, возьмешься за это? – твердо спросил подполковник, глядя в глаза капитану.

– Возьмусь, – так же твердо ответил Юрий.

– А кто прикрывать тебя будет?

– Где именно? На операции или, так сказать, на законном основании?

– И там, и там. Кто пойдет с тобой на это дело? Кто будет рисковать положением и своей судьбой?

– Неужели не найдем желающих помочь мне свести счеты с этим гадом?

Сергей Владимирович обвел всех присутствующих взглядом.

– Кто хочет участвовать в этом?

Все пожимали плечами.

– Ну... Если надо... – прошелестело по комнате, но как-то неубедительно.

– Ясно. Так вот, слушайте меня. Никакого физического устранения не будет. Я лично не хочу и не буду рисковать вашей судьбой. Буду просить начальство, чтобы это дело окончательно поручили другому отделу, и готов идти на понижение, как офицер, не соответствующий своему служебному положению. Сегодня же напишу рапорт. Вот так.

– А как же Миша Лебедев? И Костя? – спросил Николай Иванович. – Получается, что они погибли зря?

– Получается, что так. Будем решать, как поступить, чтобы родные на нас не обижались. Подумать о материальной помощи надо, принять личное участие. Вот только как быть с Ириной Лебедевой?

– Лучше ей пока не сообщать, – произнес старший лейтенант.

– Это не так просто, Женя, – вздохнул Сергей Владимирович. – Не так просто. Сообщить все равно придется, как ни крути.

– Может быть, не сразу, – предложил капитан Кулдашин. – Сами знаете, как у женщин бывает: пропадет молоко, ребенка нечем кормить будет... И не сообщить нельзя: похоронить человека надо по-божески, со всеми почестями. Не то получится, как в плохом кино: гроб опустим в землю, а жена ничего знать не будет, не простится даже. Нехорошо...

– Черт-те что происходит, – выругался подполковник. – Беспредел полный.

– Это точно, – поддержал начальника майор Богачев.

– В общем, так... Никаких решений пока приниматься не будет, я хочу сначала определиться сам со своей позицией, а потом посмотрим. Все свободны.

Офицеры как по команде, одновременно, поднялись из-за стола и стали торопливо прощаться. Не прошло пяти секунд, как в кабинете остался только Николай Иванович.

– Сергей Владимирович, – сказал майор. – Я зайду попозже насчет материальной помощи семьям Лебедева и Зеленкина?

– Да, конечно...

Когда офицеры покинули кабинет, подполковник встал, подошел к книжному шкафу, открыл створку секретного отделения и извлек из него икону. Он поставил образ на полку и обратился к лику господнему со словами:

– Господи, вразуми раба твоего, научи, что ему делать дальше. Я подозреваю, что в моем отделе «крот», но даже боюсь об этом думать. Осталось пятеро офицеров: Катков Николай Иванович, Богачев, Кулдашин, Юра Семенов и Женя Савин. Не знаю, на кого и думать, столько лет мы проработали вместе, душа в душу. Получается, что я остался один против всех. Говорят, что и один в поле воин, и если ты поможешь мне, то я доведу дело до конца. Я достану эту сволочь, прости, господи, Дергунова. Правда восторжествует, только помоги мне, господи, прошу тебя...

Глава 1

– Быстро! Уезжаем!

Александр заскочил на сиденье моего «Фольксвагена», запахивая серый, в белую полоску, пиджак, левый боковой карман которого был слегка надорван, будто его хозяин зацепился за чей-то любопытный палец. Или наоборот.

– К чему такая спешка? – удивилась я, оглядывая моего клиента.

– Не разговаривай! Заводи движок!

Надо же... Никогда не видела его таким раздраженным. Хотя мы знакомы всего без году неделя.

Александр ежесекундно оглядывался назад, смешно дергая головой, будто и в самом деле чего-то опасался.

«В конце концов, клиент всегда прав», – вздыхая, подумала я.

Двигатель завелся неохотно, словно мужик после обильного застолья, от которого хотят, чтобы он тут же сделал стойку на голове. Это мне не очень понравилось. Я давно не занималась машиной, и, наверное, зря – как бы старушка не подвела в самый неподходящий момент. Так оно и бывает по закону подлости. Да еще клиент сидит рядом и чертыхается.

– Уже уезжаем, – философским тоном, сквозь зубы, произнесла я.

– Скорее! – воскликнул Александр. – Уносим отсюда ноги!

Он схватил меня за коленку и больно ущипнул кожу, сам, наверное, того не желая, просто машинально. Затем, словно опомнившись, убрал руку. Не в моих правилах кричать на всю округу что-то вроде: «Ты сделал мне больно!», но жест Александра мне не понравился.

– Да что случилось? – я тоже повысила голос в ответ. – Куда мы сейчас едем?

– Пока прямо, а там посмотрим! Скорее!

– Хорошо.

Мы отъехали от двухэтажного особняка, неподалеку от которого я провела сорок минут, сидя в своем автомобиле. В зеркало заднего вида было хорошо видно, как мой клиент выбегает из металлических ворот и торопливым шагом двигается к машине. Я подумала, что это происходит от радостного возбуждения по поводу удачного завершения рабочего дня, и не придавала особого значения странному поведению Александра. Но вот теперь мне его повадки стали казаться более чем подозрительными.

– Прибавь газу!

– Сейчас.

Я нажала на педаль акселератора – и «Фольксваген» резко подался вперед.

– Ты мне можешь сказать, что произошло?

Неожиданно зеркало заднего вида, находившееся с моей стороны, разбилось на мелкие части. Крохотный осколок залетел в салон через открытое окно и впился мне в щеку.

– Это еще что такое?! – воскликнула я, хватаясь за левую половину моего несравненного лица. – Что, черт возьми?..

Я не договорила. Отняв руку от щеки, увидела на пальцах размазанное темное пятно. Время вечернее, и кровь кажется не красной, а черной.

Моя правая нога машинально дернулась и немного утопила педаль газа. Машина резко дернулась.

Клиент нагнулся, и в его руке появился «ПМ». Неужели достал из-под сиденья? А я и не знала, что в моей машине целый арсенал. Он обернулся и стал вглядываться в ночную даль.

– Черт, не успели...

Я еще поддала газку, так как поняла, что дело пахнет большими проблемами.

– Может быть, ты объяснишь мне? – прошипела я, досадуя, что не могу видеть того, что творится сзади, по причине отсутствия зеркала заднего вида. – Какого дьявола по нас стреляют?

– Объясню чуть позже, – произнес Александр. – Надо скорее отсюда уезжать! Черт!

Дело осложнялось тем, что я находилась не на своей территории и даже не в своем родном городе, а в Белогорске, в котором не была уже много лет, хотя накануне постаралась как следует изучить его.

Выстрелов больше не последовало, очевидно, мы оторвались от стрелявших на порядочное расстояние, и было бессмысленно пулять по машине, которая почти исчезла из виду.

– Что дальше? – спросила я.

Клиент вытянул вперед правую руку с желтой печаткой, на которой была изображена волчья морда с оскаленной пастью.

– Поворачивай направо.

Мы свернули на узкую улочку, которая почти не освещалась фонарями.

– Если нужно оторваться от преследования, то мог бы поставить в известность меня, которая, к твоему сведению, не слишком хорошо знает город. Так что показывай дорогу сам, и как следует.

– Хорошо, ложись на меня.

– Ты хочешь сказать, что родился здесь и вырос?

– Я не это хочу сказать, в Белогорске я сам в качестве гостя.

– М-да... Не слишком успокаивающая информация. Куда хоть едем, можешь сказать?

– На улице Панфилова нас ждет «девятка».

– Что еще за «девятка»?

– Автомобиль – непонятно, что ли? «ВАЗ-2199».

– И что нам с ней делать?

– Поворачивай налево...

Я так и сделала.

– Ты мне не ответил.

– А о чем ты спрашивала?

– Что за автомобиль ждет нас? Группа обеспечения? Или?..

– Мы просто меняем машину, эта уже примелькалась.

Я нажала на педаль тормоза – и автомобиль встал.

– Что ты сказал? – я повернула голову к Александру.

Тот смотрел в мои глаза и даже не мигал. Взгляд, как у Змея Горыныча, которого я видела только в своих страшных снах.

– Оставим твой «Фольксваген» и пересядем в «девятку». Ты чего остановилась? Промедление смерти подобно! Поехали дальше, быстрее!

– Минуточку!.. – тоном налогового инспектора, которому дали слишком маленькую взятку, произнесла я. – Хочу выяснить один вопрос!

– Да потом выясним! – завопил клиент, дергая головой. – Поехали, по дороге обсудим!

– Нет, мы сделаем это сейчас!

– Ты что, сдурела! – Александр заорал прямо мне в лицо. – Нас сейчас настигнут и расстреляют к чертовой матери.

– Сам виноват! – в ответ закричала я. – Пошел к черту, дурак! Если хочешь знать, я свою машину не брошу! Можешь сам садиться в «девятку» и уматывать отсюда куда подальше!

Я резко тронула машину, которая стала набирать скорость. Александр откинул назад голову, шевельнулась длинная прядь волос, зачесанных набок. Он снова обернулся и выругался.

– Они уже здесь!

Я тоже посмотрела назад. Следом маячили две машины, одна из них была «Нива» непонятного цвета, марку другой я не распознала.

– Говори, куда ехать! – воскликнула я. – Договоримся так: я высаживаю тебя возле «девятки» – и можешь отправляться куда угодно, мы расторгаем отношения.

– Черт с тобой! – зашипел Александр.

Бац! Стекло на задней дверце покрылось паутиной трещин, в центре которой была аккуратная дырочка. Скоро мою машину изрешетят всю как есть. Я не поняла, куда залетела пуля, может быть, под обшивку потолка в салоне.

– Сделай что-нибудь! – уже спокойным голосом произнесла я. – Не видишь, я веду машину.

– Вижу...

Он приоткрыл свою дверцу и несколько раз пальнул из «ПМ». Преследующие нас автомобили поотстали.

– Что дальше? – спросила я без особой надежды на ответ, который удовлетворил бы меня.

– Поворачивай налево.

Мы совершили еще несколько поворотов, ныряя в проезды, переулочки и проезжая на запрещающие знаки. Наконец мы так запутали следы, что второй раз повторить этот маневр было бы просто не под силу.

– Вроде бы оторвались, – произнес клиент. – Как ты думаешь? Все в порядке или нет?

– Не знаю, – уклончиво сказала я. – Если к утру останемся живы, то будем считать, что время и силы потратили не зря.

Однако радоваться и прыгать от счастья было рано, потому что, когда мы вырулили на какую-то улицу, вдоль которой были проложены рельсы трамвая, дорогу нам преградила та самая «Нива». Улочка была для этого достаточно освещена.

Стекло левого окна «Нивы» опустилось, и ночную тишину рассекла автоматная очередь.

Я вскрикнула и резко крутанула руль влево.

Машину сильно занесло. Левые колеса даже оторвались от асфальта, и мне в голову пришла мысль, что мы можем перевернуться.

Эта мысль пришла не одна. Ее сопровождало воспоминание.

Тогда я еще училась в заведении, именуемом в народе «Ворошиловкой», где из нас официально делали военных переводчиков, а неофициально – классных бойцов. Так вот, я была свидетельницей автомобильной аварии, когда перевернулся «ГАЗ-66», набитый аппаратурой для радиоперехвата. Молоденький водитель не справился с управлением на дороге с крутым поворотом и сделал рывок в сторону, в результате чего машину занесло.

Можно было исправить положение, но солдатик стал нервничать и дергать руль то вправо, то влево, пока автомобиль не перевернулся, падая сначала на левый бок, затем, подлетев кверху, упал на крышу, потом на правый бок и – не поверите! – встал на колеса. Все было бы хорошо, если бы старший машины – лейтенант – не вылетел из кабины на песчаную обочину.

Автомобиль отделался смятой крышей, которую вскоре заменили, солдатик получил по первое число от начальства, а лейтенант так и остался с серьезной травмой после долгой операции в окружном госпитале, и ему пришлось покинуть службу.

Кстати, радиоаппаратура осталась целехонькой, и я даже испытала гордость за качество нашей техники. И что самое приятное – автомобиль не взорвался.

Лично я с управлением справилась, развернула автомобиль, благо улица довольно широкая, и мы помчались по ней вниз. Как нас не прошили автоматной очередью насквозь, мне до сих пор непонятно. Прямо чудо какое-то – господь спас, что и говорить! А ведь я забыла позвать с собой своего ангела-хранителя. Не то что забыла, а как-то не особенно практикую это дело. Ну, вы знаете, о чем я говорю: «Ангел мой, иди за мной, ты вперед, я – за тобой». Так надо говорить, когда выходишь из дома и отправляешься в неизвестность.

«Нива» тоже тронулась с места и вскоре села нам на хвост.

– Хитры, сволочи! – воскликнул Александр.

– Еще бы, они находятся в своем родном городе, – усмехнулась я. – Кто это, если не секрет?

– Бандиты...

– Я и сама догадалась, – огрызнулась я. – Порядочные люди не будут стрелять. Здесь даже полномасштабную войну нельзя начать по правилам или без правил.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Александр.

– А то, что я могла бы принять более действенные меры, чем просто сидеть за рулем и крутить баранку.

– Так принимай!

– А потом садиться за решетку? Нет уж, спасибо большое.

– Ничего тебе не будет, я даю гарантию.

– Ты кто – окружной прокурор?

– Неважно, говорю тебе: бери на себя все полномочия. Прикроем, не беспокойся. От моего пистолета сейчас толку мало.

Что-то в его голосе намекнуло, что этому мужику можно верить. Эх, была не была...

«Нива» не отрывалась и висела на хвосте, словно кошка, которая забавлялась игрой с мышью.

Я сбавила скорость, одновременно доставая из запасничка мою любимую «Ф-1». Обычно я не пускаю ее в ход, лишь пугаю народ, но сейчас только «Ф-1» станет спасительной панацеей от свалившейся на нас беды.

Придерживая гранату правой рукой, я разомкнула усики и выдернула кольцо из запала. Конечно, можно было попросить об этом сидящего рядом Александра, но он, не отрываясь, смотрел назад, и к тому же надеяться на постороннего человека я не привыкла.

Я подала машину вправо, высунула руку из открытого окна и разжала пальцы. Затем бросила машину в левый ряд, резко прибавляя скорость. Ну, родимая!

Раз-два-три...

Четыре-пять...

Господи, благослови!

Есть!

Никакого пламени, никакого взрыва, просто «Нива» резко ушла вправо и врезалась в деревянный забор, окружавший какую-то строительную площадку.

Темно-зеленый щит с прибитыми наискосок досками в виде ромбика отлетел в сторону, словно выпавшая из колоды карта, и темно-оранжевый автомобиль влетел на территорию стройплощадки.

– Ну, ты даешь! – проговорил Александр.

– Теперь чисто? – спросила я.

– Как рюмка с водкой!

Глава 2

За три недели до описываемых событий мне позвонил некий Сергей Рыбаков – так он представился мне. Голос Рыбакова был сухим, тусклым и как-то по-военному резким. Меня это не насторожило, но заставило призадуматься.

Было это пятого августа в двадцать ноль-ноль. Самое интересное, что первая трель его звонка совпала с последним «пиком» радио. Я даже удивилась сначала – поразительная точность или расчет на впечатление. Если так, то это довольно дешевый трюк. Хотела при встрече уточнить, но постеснялась.

Рыбаков попросил меня о встрече, уверял, что наслышан о моих способностях выходить невредимой из огня и сухой из воды, а также о других качествах, перед которыми падают ниц представители мужской половины планеты. Я на всякий случай спросила все же, какого вида другие услуги ему нужны, и тут же услышала, как в трубку смущенно закашляли, а затем меня стали уверять, что никто не хотел говорить ничего плохого в мой адрес.

Это радовало. Тогда я спросила насчет рекомендаций, и мне продиктовали целый список моих бывших клиентов, который возглавлял Паша Головатов. Я поморщилась, потому что вышеупомянутый молодой человек, с момента встречи с которым уже успела пройти пара лет, ухитрился за это время вляпаться в новую пренеприятную историю, и запах с этой помойки дошел и до меня.

Меня насторожила поразительная осведомленность о моих делах, будто сведения были почерпнуты из специального досье, которое было заведено на меня уже лет этак десять тому назад и скрупулезно уточнялось в течение всего этого времени.

– Надо встретиться, чтобы обговорить все детали нашего дела, – сказал Сергей Рыбаков.

– Где и когда...

– Слушайте и запоминайте. И учтите, наша встреча должна носить абсолютно конфиденциальный характер.

– На это есть особые причины? – игриво спросила я.

– Разумеется. Завтра утром я вам пришлю билет в Театр драмы на вечерний спектакль. Постановка называется «Битва канцлеров». Только сообщите адрес, по которому я могу доставить вам входной билет.

Однако. Перспектива того, чтобы побывать в театре, меня вдохновила, но на всякий случай я спросила:

– А какова необходимость нашей встречи именно в этом месте?

– Я же говорю – абсолютная конфиденциальность.

– Все, вопросов больше не имею. Но о какой конфиденциальности может идти речь в театре, когда вокруг болтается столько народа...

– Ничего, разберемся.

– То есть?..

– Я к вам подойду в первом же антракте.

– Даже так? – мое удивление подростло. – Вам знакома моя внешность?

– Вне всякого сомнения.

– Позвольте узнать, откуда?

– Этого я вам не скажу.

Глава 3

– Сейчас пересядем на другую машину, – проговорил Александр, глядя прямо перед собой, словно на приеме у врача-окулиста.

– Что за машина? – подозрительно спросила я. – Разве нам мало моего «Фольксвагена»?

– Твой «Фольксваген» уже засветился, нас просто так из города не выпустят.

– Просто так? Что-то я не понимаю, – продолжала настаивать я, хотя прекрасно соображала, что происходит. Короче говоря, ваньку валяла.

– На любом из выездов нас будут ждать с пушками, только покажись. Тут все сразу и закончится, едва начавшись.

– Может, есть смысл связаться с милицией? – я осторожно подкинула замусоленную идею. – Или у бандитов все схвачено?

– Это еще мягко сказано – и схвачено, и скручено, и в баночку закатано.

Александр полез в боковой карман пиджака, вытаскивая на свет пачку «Петра Первого».

– Открой окно, – процедила я. – Ни разу не слышал про пассивное курение?

– Извини, – клиент виновато сунул обратно в пачку сигарету, сминая ее пополам.

– В принципе, я не возражаю против того, чтобы ты закурил, – более мягким тоном произнесла я. – Все понимаю: нервы надо успокоить и все такое. После происшедших, так сказать, событий.

Александр что-то пробурчал про себя, но курить не стал.

– Здесь поверни налево, – сказал он.

Я взглянула на табличку с названием улицы, на которую пришлось вырुлить: «Пономарева». Хотя что толку сейчас думать о названиях.

– Так что ты говорил насчет машины? – напомнила я.

– Транспорт надо поменять.

– Каким образом? И зачем?

– Пересядем на «девятку» и двинем из города. А твой «Фольксваген» нужно спрятать на время. Или просто оставить. На «девятке» мы должны уйти от погони, машина быстроходная, маневренная, таких на улицах Белогорска много, в глаза не бросаются.

– Что за «девятка?»

– Ждет меня на одной стоянке, на улице Панфилова, я уже говорил. Ключи со мной, садимся и двигаем из города.

– А мое мнение опять, что ли, никого не интересует? Как насчет моего «Фольксвагена»?

– Мы тебе два «Фольксвагена» дадим взамен!

– Мы? Интересный поворот. Кто это – «мы»? Ты и те, кто сейчас в нас стрелял?

– Ну что ты ерунду-то говоришь? – стал горячиться клиент. – Сказано тебе: все расходы возместим.

– Да кто возместит-то? – я загорячилась в ответ. – Папа римский, что ли?

– ФСБ!..

Я чуть не въехала в прижавшийся к обочине «Москвич».

– Что ты сказал?

Александр отвернулся к окошку, шурша в кармане пиджака.

– Я потом хотел тебе все объяснить...

– Объяснишь, я не против, только свою машину я не брошу, так и знай. Я полстраны на ней проехала, казахские и оренбургские степи исколесила, поэтому моя машина мне дорога как память по героическому прошлому.

– А жизнь тебе не дорога?

– Вот пусть твое ФСБ и позаботится о моей жизни, не приплетая к этому мой «Фольксваген». Кстати, не очень-то я тебе верю.

– Это сейчас не самое главное! Как ты не понимаешь – мы одни здесь, в этом чужом городе! Ты да я! И больше никого, некому помочь!

– Так свяжись со своими сотрудниками, если не врешь про свое ФСБ. Или, может быть, пытаешься очки мне втереть?

– Я свяжусь с тем, с кем посчитаю нужным, но не раньше, чем настанет нужный момент. Во дает!

Мы проехали почти весь город и двигались вдоль железнодорожного полотна, к которому прилепилась автостоянка. Она была полупуста.

– Отлично, – сказала я. – Оставлю здесь свою машину, а потом вернусь за ней, когда настанут лучшие времена.

– Сильно рискуешь, – произнес Александр.

– Может быть.

Мы остановились перед табличкой «Въезд на автостоянку с пассажирами запрещен». На балкончик двухуровневой «избушки» вышел парень в серой телогрейке.

– Сейчас я заберу «девятку» и договорюсь о том, чтобы оставить здесь машину, – сказал Александр.

Он вышел из «Фольксвагена» и направился на территорию стоянки. Парень в телогрейке спустился вниз по лесенке, сваренной из металлических прутьев, и двое мужчин начали переговоры. В принципе, сейчас все рады клиентам, только давай, как говорится, поэтому на отсутствие мест никто не будет кивать.

С «железки» несло специфическим запахом мазута, который немного портил мягкий аромат вечернего воздуха. Небо было ясное. Фонари, окружавшие стоянку, светили ярко и напыщенно.

Мимо с шумом проскочила голубая электричка, вскоре она замедлила ход, резко присвистнув. Где-то вдалеке была остановка электропоездов, в темноте трудно было разобрать, где именно, метрах в пятистах, а может быть, и дальше.

Александр сделал мне знак рукой. Парень в телогрейке открыл сетчатые ворота, и я въехала на территорию стоянки.

– На какой срок? – спросил он.

– На пару дней, – сказал Александр.

– На месяц! – твердо произнесла я.

Парень перевел взгляд с Александра на меня, потом обратно.

– А если серьезно?

Клиент полез в карман и вытащил пачку сотенных купюр.

– Пусть будет так, как она сказала.

Пока «хозяин» оформлял бумаги, я спросила Александра:

– Какая машина твоя?

Тот вытянул вперед руку.

– Красная «девятка», стоит почти в самом углу.

И действительно, отдельно от других машин, в глубине недавно заасфальтированной площадки стоял автомобиль «ВАЗ-2199» и ждал, пока кто-нибудь сядет в седло.

Я уже уложила в дорожную сумку то, что мне может понадобиться в ближайшее время, включая средства необходимой обороны.

– Мне ждать за пределами стоянки? – спросила я.

Парень в телогрейке махнул рукой.

– Садитесь здесь, начальства нет, никто не узнает.

Мы направились к машине.

– Минутку, – произнесла я, – кое-что забыла.

Я вернулась к «Фольксвагену», моля бога, чтобы мое сердце не разорвалось от горя и тоски. Александр остановился и стал ждать, пока я закончу свои дела. Я отложила в тайничок половину тех денег, которые были со мной. Как говорится, на черный день.

– Пошли?

Мы направились к «девятке».

И в этот момент рядом затормозила машина. Я оглянулась – «десятка» цвета «мокрый асфальт». Зазвучали pistolетные выстрелы – бац! бац! бац!

Стреляли, вне всякого сомнения, по нас, но вместо этого попали по машине, на которой мы должны были уехать!

Раздался оглушительный грохот, машина Александра буквально взлетела на воздух, объята пламенем, как спичечный коробок, в который сунули зажженный фитиль. А затем «девятка» распалась на куски. В воздухе завертелась крышка капота, осколки стекла посыпались сверху, словно градинки.

Подчиняясь одновременно инстинкту, закону самосохранения и выучке, мы бросились на теплый еще асфальт лицами вниз и прикрыли головы руками. Парень в телогрейке стоял, открыв рот, а потом медленно опустился по стенке вниз.

Я оглянулась – бандитская «десятка» улетела прочь, как ласточка от сокола. Странно, а как же контрольный выстрел? Выстрелили и смотались. Такого не бывает, как-то это все по-женски.

Когда катаклизм логично перешел в пожар местного значения и сверху перестала сыпаться всякая гадость, мы первым делом бросились к парнишке.

Было поздно что-либо делать. В глазнице, залитой черной кровью, торчал крупный осколок какой-то металлической детали, именно он оборвал жизнь человека, приютившего мой «Фольксваген» на своей стоянке.

– Вот и поменяли мы машину... – горестно произнес Александр.

Глава 4

Я стояла под раскидистым вязом в сквере неподалеку от Театра драмы и всматривалась в лица зрителей, которые, не торопясь, поднимались по ступенькам театра и проходили внутрь здания.

Непонятно, кого именно я собиралась встретить здесь, под деревом, потому что ни одного знакомого лица я так и не увидела. А потом подумала, что глупо так стоять и ждать неизвестно кого, когда время вприпрыжку мчится, и, стараясь не привлекать к себе внимания, проскользнула в здание театра.

Признаюсь, разговор, состоявшийся накануне, меня заинтриговал. До сих пор все было проще. Со своими потенциальными клиентами я встречалась чаще всего у себя дома, а тут на тебе: приглашаем вас, Женечка, в театр – и дело с концом.

Билет действительно был доставлен на следующее утро парнишкой лет пятнадцати, от которого пахло одеколоном «Кобра». Мальчуган подмигнул мне своими прыщами, вытер влажные ладони о светло-голубую униформу и протянул конверт, который я немедленно вскрыла. Там и в самом деле лежал билет в Театр драмы на сегодняшнее число, начало в восемнадцать ноль-ноль. Краешек слегка загнулся и образовал идеальный треугольник, который я подцепила ногтем, чтобы разогнуть. Ряд девятый, место восемнадцатое. Оригинально получилось: восемнадцать пополам – будет девять.

– Сколько я должна за билет?

Парнишка мотнул головой.

– Все оплачено.

– Понятно. А чаевые?

– Тоже оплачено.

Пацан собрался уходить, но я потянула его за рукав.

– Кто, интересно мне знать, такой щедрый?

Посыльный мотнул головой в голубой бейсболке с надписью выше козырька «Муниципальная служба занятости молодежи».

– Понятия не имею! Мое дело – доставить по адресу.

Раз так, то вопросов больше не имею.

Я предложила тете Миле пойти со мной, но та заартачилась:

– У тебя, Женечка, только один билет.

– Купим на месте.

– А вдруг не купим?

– Найдем лишний билет.

– Давай не будем гадать: найдем – не найдем. Я останусь дома, у меня припасена хорошая книга на вечер – будет чем заняться и без твоего театра.

В этот момент мне казалось, что весь мир против меня. Билеты на спектакль от неизвестных, предательство тети Милы. Хотя, если быть честной и откровенной до конца, это ее личное дело – ходить со мной под ручку или лежать на диване в обнимку с детективом. Я имею в виду книгу, а не человека.

В общем, так я впервые за долгое время оказалась в «драме». Собственная труппа театра была в очередном отпуске, потому что август, сами понимаете, время отпусков, а свято место занял приезжий театр, в репертуаре которого было аж пять спектаклей.

Один из них, под названием «Битва канцлеров», я сегодня намереваюсь посмотреть. Если никто не помешает.

Я поднялась на второй этаж и вошла в зрительный зал.

Я уселась в кресло под номером восемнадцать в девятом ряду партера и стала присматриваться к окружающим меня людям, к тем, кто не смылся за город, а решил провести вечерок в гостях у служителей Мельпомены. Не скажу, чтобы нынешнее лето было особенно жарким, но в зале было душновато. Железобетонное здание впитало в себя тепло солнечных лучей летнего дня и теперь выплескивало его на собравшихся в зале несчастных зрителей.

Прозвучал последний звонок, и начался спектакль.

Возле меня по обе стороны сидели пожилые пары, которые я слишком усердно разглядывала, так что они начали бросать на меня подозрительные взгляды. Неужели кто-то из этих старичков решил разыграть меня вышеупомянутым способом?

Первый акт я просидела, размышляя над происходящим. К чему такая конспирация? Что за игры в кошки-плюшки? Если тебе нужны услуги телохранителя, то для этого надо очень немного: наличие тела, которое следует охранять, и определенное количество зеленых бумажек для стимулирования процесса.

Короче, я не слишком вникала в сюжет, которого, в общем-то, и не было, одна говоришь. Насколько я знаю, в драматургии важны конфликт, интрига – одним словом, действие, а тут два актера сидят друг против друга – и сплошное «ля-ля-ля-ля».

В антракте мне жутко захотелось уйти домой, к тете Миле, которая встретит меня, сдвинув очки на лоб и прижимая к груди зачитанный томик.

Я вышла в фойе. Народ направился в буфет, мужики – пить холодное пиво, женщины – присутствовать при этом.

Я оперлась локтями о гладкую прохладную поверхность парапета и посмотрела вниз на первый этаж.

И вдруг я услышала какой-то шум, доносящийся из буфета, оттуда вылетел парень с черными длинными волосами, похожий на цыгана или индуса, одетый в приличный костюм темно-синего цвета. Он бросился к лестнице, ведущей на первый этаж, а за ним спешила женщина средних лет, размахивая сумочкой, из которой сыпалась разная мелочь: помада, расческа и какие-то таблетки.

– Держите его! – вопила она. – Ворюга!

Мне тут же захотелось преградить дорогу бегущему молодцу.

Но не стала. Меня пригласили в театр не для того, чтобы ловить мелких воришек.

В принципе, здесь справились и без меня. Наперерез нарушителю театрального спокойствия выскочили двое крепких парней и приготовились «накинуть сеть».

– С дороги! – заорал он хриплым голосом. – Уйдите!

Он взмахнул кулаком, который наверняка надолго отбил бы у ребят желание стоять на дороге у кого бы то ни было, но чуток просчитался.

Самую малость.

Молодой человек в белоснежной рубашке, оказавшийся на пути молодца, мгновенно нагнулся, рука воришки прошла мимо и не причинила ему ущерба. Выбросив вперед правую ногу, человек в белой рубашке сделал подсечку – и бегущий герой с проклятиями покатился по ступенькам.

Не дав телу дойти до финиша, второй охранник остановил его, положил грудью на ступеньки и скрутил руки за спиной.

– Пусти! – заорал парень, брызгая слюной на ступени. – Пусти, блин, твою мать!

Подскочила та самая тетя, оказалось, что у нее на голове пепельный парик – это я определила почти сразу – и стала возмущаться:

– Придешь в театр, а у тебя пытаются своровать сумочку! Безобразия!

Вокруг уже собрался народ. Прозвучи сейчас третий звонок, никто бы не обратил на него никакого внимания. Вот уж где спектакль, который создала сама жизнь. Здесь было все:

интрига, примитивный, но сюжет, действие, и скоро будет кульминация. Гораздо интереснее, чем «Битва канцлеров».

Началась перепалка. Цыганистый парень орал, что у него и в мыслях не было воровать какие-то там сумочки, дамочка надрывалась почему зря. Двое парней, проявивших целеустремленность в достижении победы над злом, вертели головами и уже не знали, кого слушать.

В этот момент я услышала знакомые интонации:

– Не оборачивайтесь, Женя. Делайте вид, будто заинтересованы происходящим.

Хорошо, оборачиваться не буду, хотя очень хочется это сделать. Любопытство, знаете ли...

Глава 5

Милицейские сирены завывали как-то слишком внезапно, когда мы этого совсем не ожидали.

– Уходим! – глухо прозвучал голос Александра.

Я с тоской взглянула на «Фольксваген».

– Может быть, поедем...

– Ты с ума сошла! – зашипел клиент. – Они тут же сядут нам на хвост! Здесь труп, взорванная машина и наши души, по которые уже настропалили ищек.

Мы выскочили из распахнутых воротец и, пригнувшись, помчались к железнодорожному полотну. Перескочив через рельсы, мы побежали вдоль путей, с намерением укрыться за растущими вдоль насыпи кустами, а затем пробраться на соседнюю улицу.

– Ты ото всех собираешься бегать? – выкрикнула я в спину Александру. – Может быть, объяснишь, что происходит? Я хочу знать... В противном случае снимаю с себя свои служебные обязанности и возвращаю задаток!

– Вот тогда-то тебе и не придется ничего возвращать! – бросил через плечо мой клиент. – С мертвых взятки гладки. Конечно, я все объясню тебе, только давай сначала найдем спокойное место, тогда и поговорим.

Послышался звук приближающегося поезда. Я оглянулась.

– Слушай! – крикнула я.

– Что тебе?!

– Позади электричка! Если успеем, то унесем отсюда ноги! К тому же там мягкие сиденья, можно сесть и поговорить!

Конечно, я сказала глупость, потому что в подобных ситуациях ничего толкового в голову все равно не придет.

Александр остановился. Я чуть не врезалась в него.

– А где остановка?

– Где-то поблизости... Может, поднажмем?

– Попробуем!

Мы поднажали. Бежали быстро, как только могли, рискуя сломать ноги, споткнувшись о шпалы или поскользнувшись на коварном щебне. Просто внутреннее чутье не давало расслабиться и направляло движение мышц.

Посадочная платформа виднелась невдалеке. Электричка обогнала нас и приближалась к остановке.

– Успеем?! – выкрикнул Александр.

– Надо попробовать!

Электричка пронзительно свистнула, приближаясь к платформе, и с шумным выдохом остановилась. До последнего вагона оставалось еще достаточно, и мы поднажали еще.

– Сколько она будет стоять?

– Не знаю!

Тяжело дышать... Мы стали перебегать на правую сторону, потому что двери электропоезда открывались именно с той стороны, и в этот момент Александр споткнулся и растянулся на шпалах, чуть не проехав по ним носом. До последнего вагона было метров двадцать, не больше.

Я подскочила и потянула его за рукав.

– Черт... – пробормотал он.

– Ничего не сломал?! – спросила я.

– Не знаю. Вроде бы все в порядке.

– Поднимайся.

Александр завертел головой.

– Черт...

– Что случилось? – заволновалась я.

– Я выронил пистолет.

– Быстро ищи, поезд сейчас тронется!

Так оно и случилось. Послышался шуршащий звук закрываемых дверей и резкий свист.

– Беги к вагону! – крикнул Александр.

– И что дальше?

– Не знаю.

– Оставь свой ствол, все равно толку от него нет!

Я кинулась к медленно набирающему ход поезду, будто в моих силах было задержать его.

Глупо, конечно, но что было делать в данной ситуации?

– Нашел!

Александр бросился за мной следом, а я успела подскочить к дверям, через которые машинисты заходят в свой отсек. Для тех, кто не знает, поясню: электропоезд имеет два электровагона, они же одновременно вагоны для пассажиров, с обеих сторон. Поезд – не трамвай, разворачиваться на кольце он не будет, поэтому, когда он достигает конечной остановки, машинисты переходят в другой конец поезда, и он едет обратно.

Я ухватила за поручни и вскочила на черные металлические ступени. Я знала об этом трюке, потому что однажды, стоя на платформе вокзала в Тарасове, наблюдала такую сцену: подошла электричка, следующая до дачного массива под названием Сосновка, народ тут же бросился садиться в вагоны и делал это с суетой и жестокостью, напоминающей покупку водки в магазине во времена горбачевского «сухого закона»; последней из входящих была семья из четырех человек, глава семьи «забросил» внутрь жену, детей, дорожную коляску, три огромные сумки и зачем-то отошел от дверей, как вдруг они закрылись, и электропоезд стал отходить от остановки. Мужчина напрасно махал руками, кричал что-то машинисту. Бесполезно. Состав тронулся. Тогда пассажир не растерялся, дождался, когда мимо него проследует последний вагон, и, уцепившись за поручни, встал на ступеньки. Так и поехал. Этот момент я видела своими глазами, ничего не выдумываю, кроме меня, на платформе стояло еще много народа, ставшего свидетелем досадного происшествия. Теперь тот случай сработал на меня – вот что значит жизненный опыт.

Дорожная сумка сползла на локоть левой руки и стала надоедать мне, хлопая по бедру.

Поезд убыстрял ход. Александр бежал изо всех сил, норовя снова пропахать носом по щебенке.

Я стала перемещать сумку с левой руки на правую, что было довольно затруднительно, потому что встречный воздушный поток колыхал ее. Сначала я ухватила за поручень обеими руками, потом отпустила правую руку, просунула ее сквозь петлю ремня и снова ухватила за гладкую коричневую поверхность.

Александр сопел, я тянула к нему руку. На мгновение кончики наших пальцев соприкоснулись, но не более того.

– Не могу! – выкрикнул Александр.

– Поднажми! – в ответ кричала я, прижимая изо всех сил долбаную сумку, которая вот-вот свалится вниз под колеса электрички.

И в этот момент ход электрички дрогнул, и я ухватила Александра за руку.

Глава 6

В боковой карман моего жакета опустилось что – то вроде конверта. Достаточно пухлого, надо сказать. Я сделала вид, будто ничего не произошло, стояла как стояла. Затем услышала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.